

ВСЕ, КРОМЕ РАВНОДУШИЯ!

В ЦЕЛИНОГРАДСКОМ театре драматическом театре шел спектакль «Каса Марат».

От весельчачка, покорителя сердец Паззлаке (артист А. Карельский) только что убежала влюбленная девушка, обвенчанная его невинными-ем.

— Может, мне пойти за ней? — спрашивает он.

Слышим от третьей участницы этой сцены, вдовы солдата Василицы (артистка Н. Алексеева):

— Если спрашиваешь — лучше не ходи! Иди, когда тебе будет все равно, что скажут люди!

Как велика бывает сила сказанных вовремя слов! С этого момента, когда легкомысленный парень осознал серьезные, высокие требования жизни, начинается его настоящая увлечение Василицей: завязывается тугой узел человеческих судеб... И спектакль особенно подкупает пристальным, уважительным вниманием к этим судьбам; его «в подтекстах» с начала до конца пронизывает мысль о значительности самой рядовой, на первый взгляд, человеческой личности; о том, что в сложных, необычных обстоятельствах она способна поразить любого своей красотой и глубиной.

Режиссер Николай Рылов и исполнители, думается, умело подчеркнули у персонажей пьесы молдавского писателя Иона Друцэ именно те черты, те эпизоды, в которых речь идет о главных моральных принципах. О том, от чего человек не отступает даже ценой больших потерь! Спектакль вызвал впечатление полной жизненной достоверности благодаря тому, что артисты не просто «подавали реплики», а органически жили в образе. Не ощущалось никакой заранее заданной схемы, и каждый момент с живым интересом думалось: «Что будет дальше?»

А произошло совершенно непредвиденное. К концу второго акта зал был почти полон, к началу третьего... опустел более чем на треть!

ПОСЛЕ спектакля я отправился к режиссеру — хотелось еще кое-что высказать. Проходил мимо кабинета директора театра. Дверь распахнулась, и... послышался нестройный и явно нетрезвый шум, глаза ослепил блеск поднятых стаканов.

Вот, оказывается, куда девались зрители!

Вмешиваться, видимо, было бесполезно. Ведь эти люди чувствовали себя подлинными «хозяевами» театра — в большой степени, чем артисты, Торговые работники Целинограда «отупели» спектакль и помещение для своего театра. И любезно предоставили каждому члену коллектива выбор: хочешь — смотри на артистов, хочешь — обнимайся с бутылкой...

Вспомнилась в связи с этим недавняя статья в молодежной газете «Ленинская смена» — «Отцелили уж давно хризантемы». Обнявшие многие недостатки в организации проката кинофильмов, автор С. Смородкин, однако, с полной серьезностью предложил «лечить» их так: в кинотеатрах установить право свободного входа и выхода прямо посреди действия. (Я словно вижу, как воплощают этому предложению покинувшие спектакль целиноградские зрители!).

Что греза такая, небывалая доступность культурных благ в нашей стране неожиданно начала порождать кое у кого весьма легкое отношение к ним. Читатель, слушатель или зритель ленится, грубо говоря, поработать собственной головой, чтобы в полной мере обогатить свой ум. Сокровищницы остаются для него запечатанными...

Мне представляется неоспоримой истиной: в театр надо идти, лишь заранее подготовившись и трем часам непрерывного эмоционального общения с героями спектакля. В одном случае — согласие, в другом — полемичка, но совершенно необходимо в эти минуты мерить спектаклем свою собственную жизнь и жизнь — спектакль. Иначе существование театра не оправдано; надо спешно открывать в его помещениях вечернее кафе.

Пока же театр существует, выпивка в нем — это элементарное недомыслие, отсутствие самых необходимых культурных навыков. Очень жаль, что это недомыслие, по словам целиноградских режиссеров и артистов, случилось не впервые. Легко представить себе, какой тяжелый осадок это оставляет каждый раз у коллектива, стремящегося вести со зрителем острый, принципиальный разговор о жизни!

ЕЩЕ ОДИН спектакль целиноградцев — «Мой бадный Марат». И здесь мысли главного героя не могут не зацепить думающего зрителя:

«Когда человеку приходит конец? Когда он понимает вдруг, что в его жизни все уже решилось и он никогда не станет ничем выше того, что он уже есть. Я не о должиности, я о нем-то большем!». И логический вывод: «Даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала».

И мы видим, как эти мысли, высказанные с подлинной боковой заплывностью, действительно помогают начать новую жизнь другу Марата — Леонидику.

Коллектив театра очень торопился скорее «дать работу» идивиду заряду новой пьесы А. Арбузова — раньше ее успел поставить только Московский театр имени Ленинского комсомола.

Роль Марата в спектакле молодой способный артист В. Габеев ведет с большой убежденностью. Органическая неспособность его героя строить свое счастье на беде другого, готовность к непрерывному самопожертвованию, неостывающий жар души — все это не может не покорить, не вызвать отдачи у зрителей.

Необходимо подчеркнуть, что романтизм героя ни в малейшей мере не выглядит надуманным, книжным. Марат В. Габеева — насыщенный земной, иногда даже грубый, но очень убедительный. Налеткая для артиста вещь — в одном спектакле показать своего героя в трех разных возрастах. Но В. Габееву это удалось, пожалуй, в большей мере, чем его партнером.

С режиссером Михаилом Гришным мы спорили о том, как решены образы Леонидина и Лики. Мне лично казалось, что, лишив Леонидина — все-таки поэта, хотя и не нашего своей дороги, — лирического обаяния, сразу же подчеркнув его моральную надломленность, режиссер и артист Е. Родиков «перегнули». С великолепным профессиональным мастерством передает каждое переживание Лики лауреат Государственной премии Марина Ковалева. Но опять-таки общее решение роли, казалось мне, не совпадает вполне с впечатлением от первого прочтения пьесы.

Спорить здесь можно — произведение искусства иногда не бывает однозначным, рождающим абсолютно-похожие мнения. Одну и ту же пьесу каждый новый режиссер ставит по-своему. Во имя того, что новое скорей, чем затвердевшее и некушавшее, задает зрителя за живое, вызывает ответный поток мыслей. Найти новое психологическое объяснение каждой реплики, каждого движения — труд очень сложный. И прежде чем выставить за него «оценку», нужно самому как бы стать сорежиссером спектакля, многое продумать заново.

Пьесы А. Арбузова и Целиноградский театр требуют этого, ведут не по поверхности, а в глубину, заставляют зрителя заново переосмысливать все-таки представления, ставшие уже шаблоном, потерявшие былую связь с живым потоком жизни. Это, на мой взгляд, черты настоящего искусства.

Но никто, думается, не дает театру права на превышение своих полномочий в отношении авторского текста. Мне, скажем, представляется,

что перестановка в пьесе «Мой бадный Марат» отдельных эпизодов и их временной последовательности — в рамках допустимого. Но от того, что целая сцена, очень важная для выяснения психологии героев, опущена вовсе, спектакль, безусловно, в чем-то потускнел...

КОЛЛЕКТИВ еще в процессе становления — ведь всего несколько месяцев назад руководство театра было смещено, а труппа по существу перестроена. Ломка чего-то, ставшего уже привычным для зрителей, организационные трудности — все это неизбежно могло вызвать и другие издержки в спектаклях. Но сейчас мне представляется несомненным, что новый коллектив завоевал право на интерес и доверие зрителей. Не так давно режиссеры и артисты сами подвели итоги своей работы за последние месяцы, обсудили многие свои небольшие проблемы. Сейчас они под руководством главного режиссера Александра Смелякова готовят две премьеры: бессмертную шекспировскую поэму о любви — «Ромео и Джульетта» и актуальную современную пьесу «Два цвета».

Нельзя не упомянуть еще об одной постановке, которая как бы стоит несколько в стороне от главного направления театра, но очень тепло принимается юным зрителем. На материале интересной пьесы польского сказочника Яна Бжезны «Необычайные приключения профессора Кляксы» самый молодой режиссер театра Виктор Хайкин создал яркое, остроумное представление.

Есть у коллектива, однако, «болезнь», с которой он один, без помощи краевых организаций, вряд ли справится. Это — весьма неэстетичная обстановка, в которой прозодят спектакли. Театр расположен в громоздком, старомодном купеческом особняке, все попытки «осовременить» который небольшими пристройками выглядят не очень серьезно. Внутри — голые стены, кресла, словно случайно сохранившиеся еще с трудных военных времен.

Театру нужны внимание и помощь. Если заслужил — и критика, не зачеркивающая, однако, того, что театру удается, о чем он говорит, и чему призывает. Все — кроме равнодушия!

К. МАКСИМОВИЧ,
(Наш спец. корр.).

г. ЦЕЛИНОГРАД.